

ДЕМИУРГ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРОЗДАНИЯ

Леонид Семёнович Мерзликин
(1935–1995)

Русский я по крови и по духу,
И люблю я русский свой язык.

Л. Мерзликин

Леонид Мерзликин открывает своим творчеством целую плеяду поэтов Алтая, генетически и органически принадлежавших к поколению поэтов-шестидесятников, знаковыми именами которых являются имена Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Беллы Ахмадулиной, Юнны Мориц, Булата Окуджавы и др.

Александр Михайлович Родионов, замечательный российский писатель, краевед, в «Предисловии» к сборнику избранных стихотворений Л.С. Мерзликина

написал: «Леонид Мерзликин первый из алтайских поэтов, кто протапывал дорожку в Литературный институт на Тверском бульваре. Столица приняла его, заметила, а руководитель поэтического семинара, в котором занимался русский паренек с Алтая, поэт Лев Ошанин даже возил Мерзликина на смотрины в станицу Вешенскую к живому классику Михаилу Александровичу Шолохову. По сути российский литературный мир принял Мерзликина с первой заявки, а Москва даже раскрывала объятия, чтобы пригласить и оставить при себе. Но Мерзликин вернулся на Алтай...» [Родионов, 1997, с. 5].

Именно на Алтае Леонид Мерзликин стал тем поэтическим родником, из которого взяли начало многие алтайские поэты – Ген-

надий Панов, Владимир Башунов, Борис Капустин, те алтайские шестидесятники, которые не просто увековечили землю и природу Алтая в стихах, но и создали портрет поколения, до сих пор являющегося духовной основой той силы, на которой «...стояла и стоять будет русская земля»²⁹.

«Дом как центр окрестного мира в стихах Леонида Мерзликина, – пишет далее А. Родионов [1997, с. 5], – образ стержневой, он всегда ясно видится сквозь поэтическое восприятие. Из дома и к дому ведут и стекаются к нему все земные пути... Дом как центр мироздания и как символ Родины проходит многомерно, пожалуй, через все творчество поэта. В родных стенах сотворяется радость встречи, дом овеян памятью детства. И вот по прошествии времен из глубины житейского прибежища взирает на мир человек преклонных лет и ему уже видны не сами огни, а только отблески... Но и до этих печальных дней, – ведь угасает жизнь одинокого человека, – жив неистребимо в поэте зов родины».

Лица коснулся мокрый лист
И отлетел куда-то тут же.
Под заунывный ветра свист
Порою чувствуется глубже.

Вдруг невзначай в себе самом
В душе своей найдешь местечко,
Где, как ни странно, этот дом,
И тополина, и крылечко.

Размышляя о значении творчества Мерзликина, Н. Ягодинцева [2010, с. 3–6] пишет: «Обращаясь к поэтическому наследию Леонида Семёновича Мерзликина, мы должны начать прежде всего разговор об огромном и совершенно особенном русском мире, в котором поэзия – голос души, речь сердца. Это может быть плач или

²⁹ Эта фраза прозвучала в кинофильме «Александр Невский» (1938), снятом режиссером С. Эйзенштейном по сценарию советского писателя Петра Андреевича Павленко (1899–1951).

победная песнь, юмористическое повествование или неторопливая дума... Суть поэзии остаётся неизменной: прямая речь, обращённая к самому себе, другим людям, окружающему миру, Богу... Мы изо всех сил приспособляемся к иной культуре, иным традициям, иным виденьям и чувствованиям – то это Запад, то это Восток, то оба сразу в своей несовместимости... Рвутся корни, трещат жилы, уходят в небытие потерянные поколения!.. И только поэты по-прежнему пытаются собой соединить несоединимое, понять, что происходит, и сохранить родину в пространстве собственной души. Одним из таких пронзительно русских, глубоко искренних народных певцов является поэт Леонид Мерзликин».

Г. Карпов [1983, с. 131–150] отмечает: «Лирический герой стихотворений Леонида Мерзликина возник на волне молодой поэзии 60-х годов и был совершенно в ее духе. То время отмечено необыкновенным усилением интереса к поэзии. Выступления популярных поэтов проводились на стадионах, потому что никакие аудитории не могли вместить всех любителей поэзии. Тогда достаточно было назваться поэтом, чтоб заслужить обожание и восторженное внимание молодежи. Тогда молодые поэты создавали в тысячах вариантов характер странного человека, чудака, чуть ли не яростного противника житейских благ, гонящегося «за туманом и за запахом тайги». И несходство с «оседлым» ординарным человеком было приметой поэтической натуры. Это время, ставшее уже историей, из годов восьмидесятых кажется кое в чем наивным, простодушным. Поэтам, которым было двадцать с небольшим, нынче сорок с хвостиком. Многим из них «опыт сердце остудил и забываться запретил». Тогда же, в шестидесятые годы, молодая радость жизни, избыток сил заменяли поэтам и опыт, и мудрость».

В стороне от железных дорог,
В царстве снов и медвежьих берлог
Я живу. Мои кудри, как дым.
Пахнут губы затоном речным.

А глаза, а глаза, а глаза...
Я не помню, была ли слеза?
Ну а если была, то светла
Прокатилась, как капля с весла.

По утрам, по утрам, по утрам
Из оконных тарашусь я рам.
Двери настезь – и я босиком
И к реке кувырком, кувырком!..

Прыгнет щука, сверкнет чешуя.
Жизнь моя! До чего ж ты моя!..

Лесорубы идут по мосту
И махоркой дымят за версту,
И молодка, округлив бедро,
Опускает со шлепом ведро...³⁰

Вспоминая свои впечатления о первых встречах с Мерзликным в студенческой филологической аудитории, Э.П. Хомич [2011, с. 193–200] пишет: «Память сохранила облик чубатого молодого человека, взъерошенного, крутолобого и по-крестьянски ладно скроенного, которому «едва за двадцать два». Ни дать, ни взять – шукшинский чудик. Здесь будет, наверное, кстати вспомнить, что вошел Мерзликкин в большую литературу вместе с Василием Макаровичем, став ему равновеликим в поэзии. Ассоциации оформятся в формулу: Мерзликкин – Шукшин алтайской поэзии». Э.П. Хомич [2011], выделяя характерные для поэзии Мерзликина образы, обращает внимание на своеобразный образ ягоды: «Есть у поэта стихи, которые, что называется, просятся в отдельный тематический цикл – «ягодный», поскольку «ягода» в них ключевое слово. Я имею в виду стихотворения «Ягода», «Морошка», «Боярка», «А у нас на Алтае кислица», «Облепиха-ягода». Ягода в лирике Мерз-

³⁰ Стихотворение напечатано в первой вышедшей в местном издательстве книге стихов Леонида Мерзликина «Россия» (1965).

ликаина – метафора женского начала, символ плодородия и жизни, в любом контексте концепт ягода связан с женским лирическим сюжетом».

Мир поэтических образов Мерзликина прост и понятен – он открывает читателю картину обычной русской жизни, завораживая взглядом художника слова, живописующие предметы крестьянского быта, не характерные для высоты стиля и чувства:

Еще берёза густогрива,
Ещё кадушка у крыльца
Стоит с водою для полива,
В воде огрызок огурца...

И вдруг совершенно неожиданно защемит сердце от тончайшего лиризма созданной автором картины мягко отступающего лета, которое, кажется, еще здесь, но лексический повтор «Ещё... ещё...» напоминает, что уже не за горами и осень. «Маленький отрывок из стихотворения – и бескрайняя картина подступающей осени, о которой ещё ни слова, одно лишь ожидание. Наверное, только большой поэт в состоянии сделать предметом высокой лирики огрызок огурца, что уж тут, казалось бы, от искусства! Ан нет! И, как написал лучший ученик Леонида Мерзликина Владимир Башунов, – «прочтите сказку до конца!..» В предисловии к одному из последних изданий Мерзликина – двухтомнику стихотворений и поэм, изданному с помощью новоалтайских меценатов в 2002 году – Владимир Башунов [2006] отметил: «Леонид Мерзликин был первым по таланту среди поэтов Алтая. Ни до него, ни при нем, ни после его преждевременного ухода никто не имел столь звонкого поэтического голоса, столь органично и ярко выраженного лирического дара, хотя нам грех жаловаться на недостаток стихотворцев. Стихи его знали и любили далеко за пределами Алтая, как говорится, «от Москвы до самых до окраин...» «...Я не верю, – писал Владимир Башунов, – что поэзия Леонида Мерзликина канет в безвестности, выйдет из живого круга чтения. Все

подлинное имеет возвратную силу. А потому стихам и поэмам Леонида Мерзликаина настанет новый черед в новом, недалеком и дальнем времени...»

Интересную интерпретацию мотива креста в творчестве Л. Мерзликаина предлагает Т.А. Богумил, видя в этом определенную символику поэтического кредо поэта. Анализируя стихотворение «Заря пылает», Богумил [2013, с. 246–253] отмечает: «Сквозь бытовой план – купание в реке на заре – просвечивает метафизический – бытие творца в «пылающем» средоточии мироздания, на перекрестке дольного и горнего. Горизонтальная плоскость задается водной поверхностью («Заря пылает на воде», Талица-река, плавание «саженками», «на спинке»), лаем собаки «невдалеке». Вертикаль обозначают: заря как небесное явление, движение человека («нырять и мерить глубину»), «тополиные верха», лай собаки «на бугорке». Единство небесного и земного достигается благодаря отражательной способности воды. Лирический субъект... стремительно, «с разбега», «зарывается» в зону этого слияния-пылания. Крестообразная структура мира, маркированная небом, подводной тишиной, полетом комара, лаем собаки невядалеке, а также мотив пылания напоминают известные пушкинские строки: «И внял я неба содроганье, / И горний ангелов полет, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье» («Пророк»)). Отмечая связь произведения Мерзликаина с прецедентным для русской культуры текстом о рождении и миссии поэта, автор статьи углубляет регистр восприятия: от бытовой зарисовки к авторской модели творчества.

Образ окна как элемент романтического преодоления границы времени, границы миров отмечает В.В. Дубровская [2011, с. 200–209]: «Богатая мифопоэтическая традиция окна, реализованная в искусстве, в первую очередь связана с тем, что окно – особенное пространство, граница между мирами, сходная по силе своей и свойствам с магическим кругом... С окном связаны представления о свете и даре зрения (окно и око)»:

Раздвину ситцевые шторы
И не пойму: куда попал.
На стеклах вспыхнули узоры,
Восход их полымем обдал

В саду каком я или дома?
Клубится хмель, цветет пион.
И не уйти мне от проема,
Стою, красую пригвожден.

Стою и мыслями витаю...
Но вот в морозное стекло
Я подышу, кружок оттаю,
И в том кружке – мое село.

Промчалась с грохотом машина,
Сорока вьется над стожком,
Идет по улице мужчина
С набитым доверху мешком.

Пацан примеривает лыжу,
Судачат бабы у плетня.
Я из окна в кружок всех вижу.
А вы? Вы видите меня?

Анализируя структуру текста, Дубровская [2011, с. 200–209] далее отмечает: «В стихотворении «Раздвину ситцевые шторы...» вслед за шторой называется следующий слой – видение фантастического сада и перемещение субъекта в него: «В саду каком я или дома?»... Пребывание в этом саду длится две строфы, однако во второй появляется «морозное стекло». Происходит переименование волшебного сада в простую, реалистическую, житейскую вещь – стекло и совершается вслед за тем жест, устраивающий оптический прибор: «Я подышу, кружок оттаю...» Окно как гра-

ница между своим и чужим защищает своё от чужого, внешнего, а стекло дает возможность наблюдать за тем, что происходит, сохраняя защищенную позицию... Стекло связано не только с возможностью пространственных (оптических) метаморфоз, но и со временем: у Мерзликина это увеличительное стекло в отношении прошлого. Три взгляда из трех окон открывают картину прошлого»:

Помню, раньше отец говорил:
– Поглядишь на дорогу в окошко,
Там коровы из стада прошли,
И от вымени следом дорожка...
А?.. В четыре соска по пыли.

А в другое-то глянешь – из речки
Рыба прыгает прямо в ведро,
Глянешь в третье – затоплены печки,
Пахнет щами, аж ёкнет нутро.

(«Жизнь отпущена нам небольшая...»)

Настоящего поэта всегда отличает глубокое проникновение в сущность человеческого бытия. И у Леонида Мерзликина мотив вечности крепко спаян с архетипами жизни, смерти и любви. Осмысление бытия и небытия как вечной жизни, основанной на неиссякаемом источнике любви к женщине, помогает поэту осознать уход человека как плавный переход из одной жизни в другую. В этом смысле показательно стихотворение «Я никого не опечалю...»:

Я никого не опечалю,
Когда растрочу вся и всё,
Когда возьму я и отчалою
Из бытия в небытие.

Положат бранные останки
Мои в посмертную ладью –
И я поплыл. И ни стоянки,
И ни задержки в том краю...

Лирический герой уверен, что и в ином мире, в той немислимой дали есть и не может не быть та сила, которая является вечным двигателем жизни и в мире небытия:

А я вселенную бы выпил,
Лишь повстречать бы в тех местах
Твоих волос пиратских вымпел,
И крик, застывший на устах,

И пламень платья над волною,
И за камнями клочья пен...
Я б кинул якорь под скалою
Вблизи тебя, твоих колен.

Завораживая читательский слух и взгляд волшебством инверсии, увековеченной А.С. Пушкиным в стихотворении «Я вас любил», – Мерзликин отдаёт дань и Есенину. На уровне поэтического перепева: «Волос твоих стеклянный дым» (стихотворение С. Есенина «Пускай ты выпита другим»), – он создаёт абсолютно свой, выросший в его время и в его культуру образ: «Твоих волос пиратский вымпел», в котором сошлись три силы – любовь, женщина, родина.

Одной из особенных черт лирики Мерзликина является органичное включение в его творческий материк народно-песенной стилистики. Это и характерные для народно-поэтического творчества обращения воина к коню, к птице, которая должна отнести привет семье, родине и т.д. В стихотворении «Возле старой мельницы...» поэт погружается в стилистику народной исторической песенности, былинности. «Странные видения» оказываются заступниками, Божьими угодниками:

Вроде бы не лешие –
Конные да пешие,
Пешие да конные –
Золотопогонные.
Царские заступники,
Божии угодники.

Обращение к теме войны особенной болью отдаётся в затронутой Мерзликиным теме гражданской войны, раны которой кровоточат в душе лирического героя, отзываясь мучительными вопросами, упреками, обращенными к самой земле русской, оживающей в растениях, в деревьях, в самой природе (стихотворение «Возле старой мельницы»):

Я гляжу на мельницу,
И никак не верится,
Что она давно уже
Крыльями не вертится.

Сгорбилась и думает
Думу свою древнюю.
Провода тяжелые никнут над деревнею.

Никнут, прогибаются,
Полные гудения.
И плывут из сумерек
Странные видения.

В этих строках кроется важнейшая идеологическая проблема, особенно острая для того времени. Почему автор назвал белых офицеров «божьими угодниками»? Ведь в авторской интонации не слышится жесткой иронии. А далее следует пронизывающий жалостью упрек:

А меж ними связанный
Комиссар молоденький.

Особенным трагизмом гражданской войны, когда русский человек («Божий угодник»!) стреляет в своего, проникнуты строки:

Гулко эхо грянуло.
Ахнуло на поле,
Раньше никогда еще
Росы так не капали...

В обращении к кустам и березам, которые «прохлопали», «от беды не спрятали» слышится боль и желание заслонить, спрятать. Это грубовато-просторечное «прохлопали» чужое, инородное слово в стихотворении. «Царские заступники» расстреливают комиссара:

Мчатся звезды по небу,
Словно снег метельный,
И глядит на звезды
Комиссар расстрелянный.

Трагическое осмысление двух истин и одной справедливости, растерзанной на двоих, опередило эпоху лет на тридцать.

Стилизация в духе народно-поэтической традиции прослеживается как своеобразный мотив и встречается в разных книгах и изданиях:

А метель бела до снежиночки.
Ох, как сердится, гнет былиночки.
Ох, как ластится по-над фарами,
По-над фарами дикошарыми!
Не дремли, шофер, за баранкою.

Утром ляжет степь самобранкою.
Самобранка та не застольная,
Не застольная, хлебосольная...

(Из книги «Ивушка»)

Хлопя снежные, будто голуби,
Опускаются возле проруби.
В воду падают птицы белые.
У тебя пимы индевелые.
Зачерпнув воды, выпрямляешься,
Вся пушинками обрамляешься.
Коромыселко да ведерочки,
Ты идешь-плывешь из-под горочки...

(Из книги «Облепиха-ягода»)

Свой «лирический якорь» Мерзликин бросил в то место, где небо сходится с землею, где вместе с раскрывающейся далью поэт, как кедр (стихотворение «Кедр»), связан со своей родной землей, открывающей ему тайны мира и мироздания:

Плывут облака надо мною,
Цепляясь за кроны дерев.
К стволу прислоняюсь спиною,
На кочку сухую присев.
И щурюсь, взволнованный
Тем я,
Что слышу дыхание недр.
Я слышу, как прет
Из-под земья,
Гудит, воздымается кедр.
Могуч от корня, вековечен
До самой макушки вразбег.
Да будет к нему человекен
Разумнейший зверь – человек!

Ах, как эти ветви нависли!
Какое величье – гляди!
Но тень набегаёт на мысли,
Я знаю, что ждёт впереди.
Я глажу корявую кору,
Мой милый,
Разлапистый кедр,
Богатство свое без разбору
Ты даришь, и ласков, и щедр.
Шумишь и гудишь в поднебесье,
А рухнешь в смятеньи ветвей.
Обидно – одно мелколосье
Взойдет над могилой твоей...

В этом осмыслении диалектики быта и бытия, видимо, и кроется поэтическая тайна Л. Мерзликина, осознающего в своем творчестве крестную силу и крестную долю.

Тема Родины в творчестве поэта представлена как осознание своего Я в том погружении в судьбу России, которая не даёт успокоения лирическому герою Мерзликина. Отсюда и поэтические попытки проникнуть в историческую эпоху фараонов (стихотворение «Фараон»), русских князей (стихотворение «Русалка»), понять истоки русской культуры в обращении к теме царя, которая тесно сплетается с темой русского бунта (стихотворение «Пир»). Обращение к святой для Мерзликина темы исторической памяти особенно ярко характеризует мир его души в стихотворении «Жене декабриста»:

...Кто-то в бурке по оплечью
Каламбурит о царе.
Цари ответит им картечью.
Это будет в декабре.

По этапу в злую стужу
Он сошлет их за Читку.

Ты потом уедешь к мужу
За Читу, как за черту.

И в чалдонском поселенье
Доживешь с ним до седин.
Глушь, тайга. Следы оленье.
На реке шуршанье льдин.

Скажет он, смежая веки,
Отходя в небытие:
«И да святится навеки
Имя светлое твоё».

Память для Мерзликина священна, без неё он не мыслит, не ощущает Родины. Память как образ исторической правды скрыта в его стихотворениях о памятниках:

Прожелть ногтей и запястья.
Локти на скобленный стол.
Без никакого участия
Взгляд исподлобья, тяжел...

Встану к ограде я близко,
Кепку сниму. Тишина.
В центре села с обелиска
Светятся их имена.

(«У памятника»)

Взгляд поэта стремится окинуть не только свою малую Родину – он пытается понять связь времён и народов. Отсюда и рождается осмысление своей Родины, России, в «коловращении» исторических судеб. Примечательно в этом смысле стихотворение «На венском кладбище»:

За кладбищенской оградой
Виснут памятников лбы
То давящею громадою,
То крушением судьбы,

То надменно, то застенчиво,
То отчаянно и зло,
И делить-то, вроде, нечего,
Но челу грозит чело.

Камень – гладко отшлифовано.
Камень – дадено сполна.
Камень – правда замурована.
Камень – ложь воплощена.

И никто здесь не отмаялся,
В этом сонмище могил,
И никто здесь не покаялся,
И никто здесь не простил...

(«На венском кладбище»)

Трагическое осмысление войны как кровавого противостояния народов заключается в неутешительном выводе: войны, вражда не забываются, они оставляют незаживающие раны в исторической душе народа. Антитеза «камни-вороны» и «камни-соколы» проявляет архетипичность образов врага и защитника Отечества.

Осмысление Мерзликиным своего Я в мире, стремительно меняющемся и одновременно хранившем все тайны человеческого бытия и оттого в каком-то смысле неизменном, можно выразить тютчевской формулой: «Всё во мне! И я во всём!..» (стихотворение Ф.И. Тютчева «Тени сизые смешались»). Поэтому и обращенное к читателю его Слово связывает в себе все времена, пропитано духом народного терпения и народного гнева, и в этом смысле оно, действительно, пророческое, по Пушкину, опаляющее читателя своей истиной и правдой:

Я не беснуюсь, не кричу,
Я не бандитствую с нахрапу.
Молчу. Я сотни лет молчу.
Молчу, посасывая лапу.

Молчу, как ветер гулевой,
Молчу, как окрик на морозе,
Я в небо ткнулся головой,
Остался пятками в навозе.

Мое молчанье, как дыра
На зипуне у Пугачева,
Как взмах, как отблеск топора –
Удар! – и горлом хлынет слово.

И тело медленно сведет,
Кольнут последние мурашки.
А слово встанет и пойдёт,
Закосолапит без рубашки.

Не станет сил ни у кого
Его отдать на истязанье.
И будет страшен крик его,
И будет радостно признание.

(«Слово»)

Библиографический список

1. Башунов В. // Алтайская правда. – 2006. – (№328–329).
2. Богумил Т.А. Крест как принцип моделирования поэтического мира Л. Мерзликина // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. – Барнаул: Изд-во АлтГПА, 2013. – С. 246–253.
3. Дубровская В.В. Подсолнух // Я иду по земле...: полное собрание сочинений: с научным и литературно-публицистическим

осмыслением: в 2 т. Т. 2: Поэмы. Рассказы. – Барнаул, 2011. – С. 200–209.

4. Карпов Г. В строке и за строкой // Истоки и источники: лит.-критич. ст. – Барнаул, 1983. – С. 131–150.

5. Родионов А.М. Натура, природа, судьба... // Мерзликин Л.С. Избранное: стихотворения и поэма. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1997. – С. 5.

6. Хомич Э.П. Поэт Леонид Мерзликин: «Блудный сын» и «Здесь человек» // Я иду по земле...: полное собрание сочинений: с научным и литературно-публицистическим осмыслением: в 2 т. Т. 2: Поэмы. Рассказы. – Барнаул, 2011. – С. 193–200.

7. Ягодинцева Н. Поэтическое наследие Л.С. Мерзликина: востребованность и перспективы изучения // Мерзликин Л.С. Поклон: избранные стихотворения. – Барнаул, 2010. С. 3–6.